Новая газета Европа

РЕЦЕНЗИЯ • КУЛЬТУРА

Люди горят

В Берлине представили спектакль «Кремулятор» по роману Саши Филипенко. Какой получилась постановка об уничтожении «врагов народа» и переписывании истории

Фото: Виктория Назарова

12:26, 18 февраля 2024,

Анна Лахматова

специально для «Новой газеты Европа»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать по этой ссылке или отсканировав QR-код ⟶

В Берлинском Säalchen, небольшом модном пространстве недалеко от Александрплатц, сыграли премьеру спектакля «Кремулятор». Звездный состав: Максим Суханов в главной роли, режиссер Максим Диденко, композитор Сергей Невский; роман Саши Филипенко как литературная основа и сам Саша в зале — продюсеру Светлане Доле, работавшей без поддержки немецких стационарных театров, удалось выпустить полноценный спектакль, который интересно разбирать с разных точек зрения.

Проведя два часа в ощущении, что спектакль идет не в Берлине, а в Москве, и понаблюдав за зрителями, Анна Лахматова в который раз убедилась: происходящее сегодня с Россией — не сбой системы, а логичное продолжение того, что было с ней вчера и позавчера.

Максим Суханов и его черти

В 1990-е, в театре новейшей Атлантиды, то есть временно свободной России, шли спектакли «Ж(енитьба)» по Гоголю и «Х(лестаков)» по его же пьесе «Ревизор». Их поставил Владимир Мирзоев — который с конца 80-х прививал российскому театру, тогда еще покрытому слоем пыли и «псевдо-психологизма», любовь к постмодернизму и прочим «пост» штукам, которые полноценно войдут в моду двадцать лет спустя. А еще Мирзоев открыл актера Максима Суханова. Сыграв роль черта Кочкарева в «Ж» и Хлестакова в «Х», он впервые воплотил это гнусавое, способное на любые метаморфозы, глумливое и несчастное чудовище. Урку, на время откинувшегося с зоны и обреченного в нее вернуться; или беса, получившего недолгую увольнительную из преисподней.

Свобода в этих спектаклях была неслыханная. Вчерашние советские граждане реагировали на нее в меру вкуса и готовности. За постмодернизм Мирзоева ненавидели. За Суханова — ненавидели и боялись: слишком узнаваемыми

оказались его персонажи. Ближе к Homo soveticus не подобрался никто. Кажется, лучшая рецензия на «Х» и «Ж» была тогда написана одной начинающей авторкой, сравнившей Макса Суханова с безбашенным астронавтом за штурвалом звездолета.

Ветер переменился: авторка давно заматерела, завязала с театром и ныне воспевает Сталина. Пророк Мирзоев ушел почти что в схиму, но пара его спектаклей в Москве еще идет. Суханов, вырвавшись за пределы родной галактики, продолжает полет.

Ян Гэ к спектакле «Кремулятор». Фото: Виктория Назарова

Его нового героя зовут Пётр Нестеренко. Бывший белый офицер, завербовавшийся в советские агенты, чтобы вернуться на родину, в 1926-м он стал директором первого московского крематория, устроенного в церкви Нового Донского кладбища. С середины 30-х крематорий работал в две смены: днем

Нестеренко кремировал тела передовых граждан (услуги кремации были доступны не всем). А по ночам — тела расстрелянных «врагов народа».

Эту документальную историю белорусскому писателю Саше Филипенко рассказала сотрудница тогда еще не ликвидированного в РФ «Мемориала». На следующий день после начала ВОВ Нестеренко был арестован, обвинен в шпионаже и расстрелян. Его историю от первого лица и написал Филипенко, чередуя ответы Нестеренко на допросе у следователя НКВД с внутренними монологами героя, бесконечно беседующего с Верой — своей юношеской любовью, вслед за которой он и вернулся в СССР.

Суханов не похож на Нестеренко. Разве что на последнем, тюремном фото: почти лысая голова, запавшие глаза и рот скобкой вниз. Зато Суханов похож на себя — театральное существо, способное принимать любые обличья и делать их такими достоверными, что уже через пару минут между ним и его героем лезвия не просунуть. Харон советского разлива, кремировавший всю красную элиту, — и тех, кто умер сам, и тех, кого знаменитый палач Блохин доставлял с дыркой в черепе, — верит в собственное бессмертие: мол, если тщательно представить свою смерть, то и не умрешь. А он всю жизнь — на фронтах Первой мировой, за штурвалом самолета в Гражданскую, в качестве секретного агента НКВД, а потом в крематории, — только и делал, что ее репетировал. Всё это он заливает в уши молодому следователю (актер-«брусникинец» Игорь Титов), понимая, что исход дела предрешен, но упиваясь шансом растянуть агонию. Он юродствует и ерничает, давая следователю повод то выбить из-под себя сидение, то ударить ногой в живот. Подручным следователя наряжен оператор Фрол Подлесный:

> его камера проецирует на экран лицо

> Суханова, напоминающее разбухшую посмертную маску. И вдруг загорается глумливый глаз, потом другой, на губах появляется пятнышко крови…

«Знаю почерк Василия Михайловича и чрезвычайно ценю. Он любит и уважает свою работу…», — подобострастно бубнит Нестеренко о палаче, объясняя, что Блохин расстреливал так, чтоб ничего вокруг не пачкать. Примеряя смерть, Нестеренко-Суханов укладывается на траурные постаменты, утопает в нейлоновых цветах, ругает большевиков за убожество советских похорон; шаманит, пробуя горловое пение. Под стать ему и возлюбленная. Роль играют в два состава — две актрисы переехавшего в Европу «Гоголь-центра»: Светлана Мамрешева и Ян Гэ. И это, как говорят видевшие обеих, два разных спектакля. Вашей корреспондентке удалось увидеть только Мамрешеву. Ее элегантная и лукавая Вера является в черном плаще с алыми цветами, раскрывает траурные крылья, распевает а капелла, перечисляя содержимое конфискованного у арестанта добра: «Одеяло серое — 1 шт., простыни белые — 2 шт…» И так сладко она поет, так молодцеваты парни в черной форме, и вьются они, как два червя, вокруг огромного Нестеренко. А после зажимают меж стенок двух тумб: но раздавить его силенок не хватит.

Ян Гэ к спектакле «Кремулятор».Фото: Виктория Назарова

Видео, проецируемое на экран с двух камер, безупречно красиво (стоит запомнить видеохудожника Олега Михайлова), движения палачей — пластичны. Что до Суханова — о его пластике не задумываешься, как не думаешь о движениях дерева на ветру или плеске волн. Всё это затягивает — как затягивало советских граждан зрелище горящих тел (в первые годы, с удовольствием вспоминает Нестеренко, крематорий продавал билеты желающим взглянуть на процесс в техническое окошко).

Суханов же превращает эту guilty pleasure в историю любви. Историю искореженных, при жизни попавших в ад влюбленных.

> Простодушный восторг мелькает на его лице каждый раз, когда он смотрит на Веру,

> позволяя ей обмануть себя и улизнуть.

Но есть у него и момент прозрения. Ближе к финалу Нестеренко в очередной раз находит Веру, уже не желающую знать его — бывшего белогвардейца. Она играет мелкие роли, но ей вроде бы покровительствует Сам: захлебываясь счастьем, тараторит она про великого вождя и будущее страны, где она, конечно, станет первой актрисой. «Вера, что ты несешь!», — разом спускаясь на землю, говорит вдруг не Нестеренко, а, кажется, сам Суханов.

Максим Диденко. Цирк и похороны

На сегодня «Кремулятор» — лучшая, или, по крайней мере, самая искренняя постановка Диденко. Знаток совриска, любитель авангарда и ранней советской эстетики, он когда-то делал спектакль «Земля» по фильму Довженко — визуально яркий, но с размытым месседжем. Таким же показался его вроде бы остроумно придуманный «Цирк» по сюжету фильма Александрова. Под куполом (то есть под колосниками) Театра Наций летала Ингеборга Дапкунайте, ей мешал злобный немец-вредитель. Форма была найдена, содержание казалось притянутым. Самый мощный спектакль Диденко — «Норма» по роману Сорокина, был выпущен в Театре на Бронной и шел в помпезном зале ДК на Яузе, поражая актерской виртуозностью и имперским размахом этой черной клоунады.

«В эмиграции я стал терпимее к людям», — признается Диденко в недавних интервью. И не врет. Как режиссер он впервые так печален и открыт. Его театр не похож на цирк. Он не взбадривает зрителя клоунскими номерами, хотя всё при нём — и physical theatre, и острая визуальная форма: отличное видео и лаконичная сценография (художник Александр Барменков создает советскую тоталитарную среду из двух элементов: искусственных гвоздик с траурными лентами и псевдо-

гранитных тумб, превращающихся то в постаменты для гробов, то в печи крематория, то в узкий тюремный карцер). К перечисленному стоит добавилась эмоциональность, с которой Диденко рассказывает историю человека, отправившегося за своей возлюбленной в ад, отвергнутого ею, и в итоге получившего ее еще не остывший труп. С ним герой Суханова разговаривает долго и нежно — как с живой женщиной.

Homo combussit / Человек сожженный

После сгорания от тела остается зола, однородности которой мешают кости. Всё это помещают в кремулятор, где размалывают до состояния «приятной на вид массы» — так писали советские популяризаторы здорового образа смерти.

Образ понятен: советская система превращала человека в прах. В некоторых случаях среди праха находилась еще и пуля. Как становится ясно из «Кремулятора», уничтожалось не только тело. Душа, совесть и прочая метафизическая требуха — всё это перемалывалось еще при жизни. Нестеренко донес на свою любимую, не вынеся ее предательства. А потом кремировал и схоронил. Она же, явившись перед ним сразу после его расстрела, рассказывает, что до последнего своего вздоха убеждала следователя: Нестеренко — шпион; да вот только палач Блохин уже не слушал.

Лиричный и страшный финал актеры играют среди зрителей: в небольшом зале публика посажена с трех сторон, игровая площадка — в центре. Спектакль идет на русском, с немецкими субтитрами. Текст романа Саши Филипенко для спектакля адаптировал Йоханнес Кирстен — шеф-драматург берлинского Театра Горького. Но на премьере в зале — в основном русские. Атмосфера, да и сама конфигурация зала напоминает знаменитый Цех Белого на московском Винзаводе (там когда-то помещалась «Платформа», где играла Седьмая студия Кирилла Серебенникова). И этот зал то и дело включают в действие.

Фото: Виктория Назарова

В одной из сцен Игорь Титов, превращаясь в шпионящего в Париже энкаведешника, кидает зрителям реплику, дословно взятую из текста Филипенко: «А что, если люди, которые остались в России, в самом деле хотят жить так, как живут сейчас?» — рассуждают в романе эмигранты об оставшихся в советской России. Не читавшая роман (написанный еще до войны) русско-берлинская публика думает, что спрашивают про сегодня, — и принимается отвечать. «Пусть живут, как хотят, только нас оставят в покое», — кричит какая-то дама. И с ней соглашаются. Половина зала начинает обвинять в том, что сейчас происходит с Россией, — оставшихся. Другие голоса предлагают о России просто забыть.

«А скольких еще они сегодня расстреляли?» — спрашивает Вера. «Да вот всех этих» — показывает Нестеренко на экран, где появляется изображение зала.

— И что, все якобы немецкие шпионы?

— Ага!

— Некисло…

И тут внуки и правнуки тех, кто расстреливал, и тех, кто был расстрелян, дружно хохочут.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

«Толпа людей пытается этот мир разрушить, а мы должны что-то делать в противовес»

Режиссер Максим Диденко — об оптимизме, новой постановке в Берлине о репрессиях и поколении арт-кочевников

14:09, 21 января 2024, Матильда

«Следователи смотрят все мои интервью»

Писатель Саша Филипенко о запрете книг, смысле литературы и о реакции россиян на войну

17:13, 13 февраля 2024, Ева